

УДК 82'04; 82-141

А.В. Шунков

**«ЧИН ПОГРЕБЕНИЯ МИРСКИХ ЧЕЛОВЕК» (XVI В.)
И ЕГО ТРАДИЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

Статья посвящена проблеме взаимодействия документальной и литературной традиций в отечественной словесности. В контексте церковно-обрядовой традиции Древней Руси рассматривается ода Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского». В ходе проведенного анализа выявлен комплекс художественных мотивов, звучащих в оде, привнесенных из обрядового текста XVI в. «Чин погребения мирских человек». Доказано, что мотивный комплекс оды сформирован благодаря заимствованию из литургических источников основных мотивов: сна (усновения), скоротечности времени.

Ключевые слова: церемониальные жанры Древней Руси, литературная традиция, духовная ода.

Обрядово-церемониальные тексты («чины») Древней Руси – особая жанровая форма, имевшая свое определенное практическое предназначение: представить подробное описание процесса конструирования в церемониальной практике идеального универсума, призванного заменить один мир (несовершенный) другим, приведенным к гармонии. Это определенный пласт в древнерусской книжности, в котором запечатлены представления человека о мире, месте человека в нем. Можно сказать, что «чины» формировали картину гармоничного мира, основой которого являлся принцип иерархии. Этот мир, созданный «чином», мыслился как существующий вечно, и человек должен был войти в это время, подчинить сегодняшнее вечному. В связи с этим другая задача, которая решалась «чинами», – это оформление повседневности в торжественные вечные формы. «Чин» должен был дать человеку возможность ощутить свою сопричастность с вечным временем, освященным Богом.

Ранее [1] мы уже рассматривали одну из разновидностей «чинов», условно называемых светскими (придворными), и на примере книжно-документального текста «Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути» (1656 г.) показали их роль в формировании новой культурной семиотической парадигмы в России середины XVII в. «Урядник сокольничья пути» дал возможность увидеть начало процесса перехода обряда в театральное зрелище, механизм проведения которого разрабатывался и записывался при непосредственном участии самого царя как редактора. Таким образом, отечественная традиция светских (придворных) церемониалов XVII в. заложила основы русской драматургии, отражавшей изменившиеся культурные ориентиры повседневной жизни в первую очередь

царя Алексея Михайловича [2. С. 71]¹. Как известно, при Фёдоре Алексеевиче, при отсутствии с его стороны интереса к потехе, театральные постановки были прекращены [2. С. 16]² до начала XVIII в.

Церковные «чины» также оказали влияние на русскую литературу Нового времени. Один из наиболее известных вариантов трансформации текста церковной службы, ее пародирование, представлен сатирической повестью XVII в. «Служба кабаку» («Праздник кабацких ярыжек») [3. С. 73–90; 4. С. 367–368; 5. С. 189–195], традиционно рассматриваемой как образец русской смеховой культуры. Повесть исследована предельно полно в контексте проблемы секуляризации русской культуры и литературы, развития демократической литературы и сатиры, присутствия в ней пародийного начала, поэтому нет смысла останавливаться на ней еще раз подробно. Приведем только один интересный исторический факт, на который в свое время обратила внимание Е.К. Ромодановская, исследуя проблему зарождения пародии в древнерусской литературе [6. С. 185–187]³. «Служба кабаку» настолько приобрела популярность и породила такое неоднозначное к ней отношение со стороны духовенства (как низшего, так и высшего) в XVIII столетии, что это привело к принятию необходимых мер: проведению консисторских судов над «Службой кабаку». Как доказательства сохранились следственные дела этих судов, одно из них датировано 1727–1729 гг., другое – 1756 г.

Нас интересует в контексте рассматриваемой проблемы другой ее аспект: как литература Нового времени могла осмыслить традицию церковно-обрядовых текстов, причем не отдельных каких-либо фрагментов, звучащих на уровне мотива (например, псалмопевческая традиция в русской поэзии [7]), а именно целый ритуальный канонический текст всей службы, ее определенной чина.

Одним из ярких таких примеров обращения к обрядово-церемониальному тексту и создания на его основе лирического произведения является ода Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского», которая удивительным образом коррелирует с церковным «Чинном погребения мирских человек» (XVI в.)⁴, утвержденным патриархом Никоном и в течение всего последую-

¹ «Только Алексей Михайлович, сидя в кресле перед сценой, чувствовал себя совершенно свободно: он занимал то положение в зрительном зале, которое было нормальным, если оценивать его в свете театральных представлений Нового времени. Но в условиях своего времени царь был не только единственным зрителем театра, он был его полновластным владельцем. Он учредил театр, санкционировал расходы на его устройство, предписал театру сюжет пьесы, устанавливал место и время спектаклей, мог награждать или наказывать исполнителей. Этот зритель получил желанную возможность, ни в чем не поступаясь своим достоинством, уже почти "божественным", взирать критическим оком на простиравшуюся перед ним сцену, на которой с равным рвением исполняли свои обязанности и бояре реальные, и "бояре" театральные» [2].

² Известна точная дата (15 декабря 1676г., спустя почти год после смерти Алексея Михайловича, скончавшегося 30 января 1676 г.), когда царь Фёдор Алексеевич приказал весь театральный реквизит (музыкальные инструменты, декорации и пр.) вывезти за ненадобностью из палат Аптекарского приказа, где при Алексее Михайловиче шли театральные постановки. Подробнее см.: [2].

³ В своей книге автор, ссылаясь на известную работу В.П. Адриановой-Перетц «У истоков русской сатиры», также приводит другой пример пародирования церковной службы, но имеющей уже отношение к XIX столетию, – использование Н.Ф. Щербиной в своем поэтическом творчестве формы сатирического акафиста [6. С. 172].

⁴ Современный церковный обряд погребения умершего человека утвердился еще в XVI в. и на протяжении уже долгого времени не менялся. Не подвергалась трансформации и композиция чина.

шего времени и до сегодняшнего дня не менявшимся. Мы не будем излагать в деталях историю составления данного чина, поскольку она подробно рассмотрена в православной богословской литературе. Отметим только то, что чин имеет свою строго продуманную композицию, состоящую из трех основных частей. Однако задача «чиновника» (церемониального текста) заключается не только в изложении и описании обряда, но и в закреплении за определенным этапом совершаемого ритуального действия слова, сопровождающего обряд. И в этом случае документальный по своей природе текст становится интересным с позиции ораторского искусства, актуализируя уже его литературную составляющую.

Литературная компонента проявляется через комплекс художественных мотивов, звучащих на протяжении всего обряда. Такими мотивами являются: мотив времени (скоротечности земной жизни), мотив утраты, мотив сна/успения (вечного сна) и др. Мотивный комплекс чина сформирован благодаря библейским и литургическим, богословским источникам, на основе которых и составлено само действо: псалмы (90, 118, 50), 8 стихир преп. Иоанна Дамаскина, тропари, молитвы.

Наиболее сильным по эмоциональному воздействию является вторая часть чина, в которую входят 8 стихир преп. Иоанна Дамаскина, образующих непрерывную проповедь о суете жизни, ее скоротечности, тленности земного мира и бессмысленности человеческих усилий найти счастье в материальных ценностях. «Глас 4. – Гдѣ есть мирское пристрастіе; гдѣ есть маловременныхъ мечтаніе; гдѣ есть злато и сребро; гдѣ есть рабѣ множество и плещи. Вся попель, вся персть, вся сѣнь. Приидѣте възопіемъ бесмертному царю. ...Прииде смерть яко хищникъ, приступи тлитель и разруши мя». (Л. 134 об.) [8] «Глас 8. – Плачася и рыдаа, егда помышляю смерть. И видѣхъ въ гробѣхъ лежащую по образу божию созданную нашу красоту, безобразну и безславу, неимущю видѣнія. О чюдеси что еже о мнѣ се бысть таинство, како предахомся тлѣнію» (Л. 138).

В рассматриваемом чине нельзя не увидеть определенного композиционного приема, на котором строится весь текст, – это антитезность, показывающая себя в смене тем и интонаций каждой из частей. Это становится заметно при провозглашении заповедей евангельских блаженств, которые привносят в чин тему примирения, прощения и спасения души, тем самым сглаживая трагическое мироощущение, характерное для 8 стихир с их основной темой временного и тленного. Таким образом, церковный чин, на первый взгляд внешне кажущийся регламентированным и консервативным, внутренне обладает огромным лирическим потенциалом, позволяющим на протяжении всего времени совершения обряда почувствовать различные оттенки эмоций и чувств души (страдания, страх, ужас, смирение, покой, умиротворение).

Насколько сильны в художественном плане церковные чины, свидетельствует тот факт, что некоторые из них уже в более позднее время стали основой для поэтических текстов. В конкретном рассматриваемом нами случае 8 стихир преп. Иоанна Дамаскина, являющиеся одним из ключевых фрагмен-

тов «Чина погребения мирских человек», послужили источником для оды Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

Напомним, что сегодня наиболее обсуждаемыми в изучении оды «На смерть князя Мещерского» являются проблемы жанра [9. С. 187–188], своеобразие поэтического языка [10. С. 39–40; 11. С. 284–286]. Лакуной, существующей в изучении державинского стихотворения, остается вопрос о реминисценциях, отсылающих читателя к обрядово-церемониальной христианской книжности.

Традиционно «На смерть князя Мещерского» относят к философской поэзии, где представлено осмысление темы жизни и смерти человека, суетности и тленности земного мира, скоротечности времени. С этим нельзя не согласиться. Приводимые в многочисленных исследованиях выводы звучат более чем убедительно. «Своеобразие философских од состоит в том, что человек рассматривается в них не в общественной, гражданской деятельности, а в глубинных связях с вечными законами природы. Один из самых могущественных среди них, по мысли поэта, – закон уничтожения – смерть» [9. С. 187]. Почти всегда рассмотрение стихотворения Г.Р. Державина исследователями сводится к характеристике самого образа смерти, созданного на основе использования приемов афористической контрастности: «Едва увидел я сей свет, // Уже зубами смерть скрежещет»; «Монарх и узник – снесь червей»; «Приходит смерть к нему, как тать»; «Где стол был яств, там гроб стоит»; «Сегодня Бог, а завтра прах» – эти и другие стихотворные строки хорошо известны любому читателю.

Но при этом стоит обратить внимание на тот факт, что контрастность, проявляющая себя в оде через тему, выразительные средства, используемые автором, особая интонация [11. С. 285] восходят к христианской традиции. Осмысливая и разрабатывая в своем творчестве тему «жизнь – смерть», Г.Р. Державин не мог не обратиться к сочинениям духовно-религиозного содержания. И такими источниками могли быть обрядовые церковные произведения, созданные в эпоху Древней Руси, сочинения поэтов-силлабиков XVII в., псалмы. Одним из источников оды, отдаленных от эпохи Г.Р. Державина двумя столетиями, но тематически связанным с сочинением поэта на интертекстуальном уровне, могут быть названы псалмы, входящие в «Чин погребения мирских человек». При сравнении державинского стихотворения с текстом «чина» становится очевидным обращение автора к книжным образцам, приведшее к проникновению в оду Державина ряда стихотворных строк из псалмов «Чина...».

В первой стихотворной строке державинской оды с помощью приемов аллитерации изображается бой часов¹, напоминающий о скоротечности жизни и неизбежном приближении смерти: «Глагол времен! Металла звон!». Однако тема времени, так реалистично звучащая в самом начале стихотворения, – это основная тема обряда погребения усопшего человека. Несмотря на свой печальный характер, православная погребальная процессия отличается высокой торжественностью. Торжественность задается ударами колокола, звук которого сопровождает перенесение тела усопшего в храм. Колокол воз-

¹ Сами звуки должны вызвать у читателя (слушателя) впечатление боя часов [10. С. 39].

вещает живым, что у них стало одним братом меньше, и одновременно служит прообразом трубного звука архангела, который раздастся в последний день мира, его Судного дня [12. С. 77–85] и будет услышан во всех концах земли.

Дальнейшее развитие лирического сюжета оды Г.Р. Державина подтверждает следование стихотворения традиции церковного текста. На внелитературном уровне это видно в описании русского обычая ставить на стол гроб с телом покойника: «Где стол был яств, там гроб стоит». На интертекстуальном уровне связь эта просматривается через интерпретацию цитат 8 стихир Иоанна Дамаскина, читаемых после заупокойного канона второй части обряда погребения. Общая тема, звучащая в каждой стихире, – это скоротечность жизни, беспомощность и бессилие человека противостоять смерти. Однако в каждой стихире мотив утраты и страха перед смертью сопряжен с верой в Христа, который дарует вечную жизнь. Таким образом, прием антитезы, используемый Державиным, воспринят от древней псалмопевческой традиции, закрепленной в «Чине погребения мирских человек».

«Глас 1. "Какая сладость в жизни пребудет не причастною печали? Чья слава устоит на земле непреложной? Все здесь – ничтожнее тени; все обманчивее сна; одно мгновение – и все это похищает смерть; но упокой, Христе, Человеколюбче, во свете Лица Твоего и в наслаждении Твоею красотою сего (усопшего), которого Ты избрал"...

Глас 3. "Для людей суета все то, что не остается (с ними) по смерти: не остается богатство; слава не идет (с ними во гроб). Ибо как только пришла смерть, все это исчезло. Потому возопием Христу бессмертному: упокой преставившегося от нас там, где всех веселящихся жилище".

Глас 4. "Куда девалось пристрастие к миру? Где мечты о временном? Где золото и серебро? Где множество рабов и слава? Все это – персть, все – пепел, все – тень. Придите же возопием бессмертному Царю: Господи! сподоби вечных благ Твоих преставившегося к Тебе от нас и упокой его в нестареющем Твоем блаженстве"» и т.д.

В стихирах излагается торжественная и трогательная проповедь о скоротечности земной жизни и таинственности смерти, которая делает тщетными все человеческие усилия, если они направлены к достижению богатства и славы. Душа, разлучившись с телом, может уповать только на милость Христа. «Плачу и рыдаю, когда размышляю о смерти и вижу во гробах лежащую по образу Божию созданную нашу красоту безобразною, бесславною, не имеющею вида. О чудо! Что это за таинство совершилось над нами? Как предадимся тлению? Как сочетались мы со смертью? Подлинно, по повелению Бога написано, – Подающего преставльшемуся упокоение» – такими возвышенными словами заканчивается последняя, восьмая, стихира из тех, которые поются после заупокойного канона.

Следование державинской оды псалмопевческой традиции становится еще более очевидным при сопоставлении стихотворных строк произведений:

«На смерть князя Мещерского»
Где стол был яств, там гроб стоит;
 Где пиршеств раздавались лики,
 Надгробные там воют клики,
 И бледна смерть на всех глядит.

Смерть, трепет естества и страх!
 Мы гордость, с бедностью совместна;
 Сегодня бог, а завтра прах;
 Сегодня льстит надежда лестна,
 А завтра – где ты, человек?
 Едва часы протечь успели,
 Хаоса в бездну улетели,
 И весь, как сон, прошел твой век.
 Не мнит лишь смертный умирать
 И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
 И жизнь внезапно похищает.

Ничто от роковых когтей,
 Никая тварь не убегает:
Монарх и узник – снедь червей...

.....
Сегодня бог, а завтра прах

«Чин погребения мирских человек»
Глас 2. ...вчера быв с нами, ныне лежит мертв. Приидете разумею, како... зловонии лежат смердящее, како иже... златом красяще, без красоты лежат и без лепоты.

Глас 3. все суетие человеческое, елико не пребудет по смерти, не пребывает богатство и не снидет слава нашедши бо смерти вся сия погубит. Тем же Христу бессмертному возопием: преставльшагося от нас покой, идее же всем есть веселящимся жилище у тебе Человеце, что всеу мятемся. **Дым е житие се.**

Глас 4. Где есть мирское пристрастие, где есть маловременных мечтание, где есть злато и серебро, где есть раб множество и плищи. Вся попел, вся персть, вся сень.

Прииде смерть яко хищник...

Глас 5. Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и попел, и *накы рассмотрих во гробех и видех кости обнажены. И рех: убо кто е царь или ниц, или праведник или грешник.*

Особого комментария требует строка из державинского стихотворения «Монарх и узник – снедь червей». Строка, как и многие другие, ставшая афористической. Но державинская строка есть не что иное, как перифраз стиха псалма, звучащего в «Чине погребения мирских человек».

«Составы и сосуды плоти наша, яко прах и смрад, снедь червем быша. Преже составы плоти наша любезны, ныне же гнусный и смердящий, яко сухи кости наша, не имуще дыхания». Как дословная цитата, взятая из «Чина...», впервые в литературе эта строка зафиксирована в «Письмах юродивого», литературном памятнике смеховой культуры XVII в. [13. С. 205–214], введенном в научный оборот Н.В. Понырко. Стоит сказать, что русская литература XVII в. в силу ряда историко-культурных обстоятельств проявила активный интерес к теме «жизнь – смерть», «жизнь как сон». Изображение жизни – смерти человека на основе образной контрастности, как известно, нашло воплощение в творчестве поэтов и писателей эпохи барокко: князя Бориса Репнина-Оболенского [15. С. 114–116; 16. С. 464–466, 757–758]¹, в творчестве монарха Алексея Михайловича [17. С. 45–61]², Кариона Истомина и др.

¹ См. также «Устав» Нила Сорского, где отдельная (7) глава посвящена «памяти смертной и Страшному Суду». В ней Нил Сорский говорит, что «невозможно есть алчущему не поминати хлеба; тако же и хотящему спастися не поминати смерти». Для достижения особенного молитвенного состояния старец рекомендовал помнить о том, что человеческая жизнь коротка: «Путь сей краток есть; дым есть – житие сия, пара и перст, пепел; в мале является и вскоре погибает», и иноку необходимо «сбырть» «ум в та, яже рекоша святии в писаниих о различных страшных смертех... Полезне же мноу и сие, еже въспоминати нам различныя смерти веденныа и слышанныа, яже и в днех наших бывше».

² Мы имеем в виду «Повесть о преставлении патриарха Иосифа» (Статейный список 1652 г.) царя Алексея Михайловича.

Человече! Зрев, чие лице красно,
разумей: в смерти будет то ужасно,
Понеже тогда лепотна есть рожа,
егда в здравости гладка на ней кожа.
Аще ли кожа с онаго сдерется,
страха и плача каждый наберется [14. С. 203].

Таким образом, державинская ода вбирает в себя духовный опыт, накопленный и представленный до него в литературе более ранних периодов. Она продолжает традицию Святого Писания осмысления жизни человека, понимаемую как восхождение к Благодати, обретение покоя, даруемого свыше. И финал оды отражает христианское мировоззрение: последняя интонационная антитеза утверждает торжество жизни над смертью, а не наоборот.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
*Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.*
(курсив наш. – А.Ш.)

Часто можно встретить такую трактовку последней строфы: автор, завершая оду, выражает точку зрения, свойственную эпикурейскому мировосприятию. Смерть неизбежна, но человеку дарована жизнь, следовательно, необходимо жить, получая наслаждение от жизни. Интерпретация, как нам, кажется, несколько упрощает понимание стихотворения поэта. Отметим, что подобный подход был бы применим, например, к произведениям эпохи Ренессанса или барокко. Последние четыре строки финальной строфы в эмоциональном отношении наиболее сильны. В их основе находятся художественные образы (дар небес, покой, душа, благословение, судьба), призванные не заземлять представление человека о жизни, сводимой только к получению благ и удовольствий, а, наоборот, с позиции христианина заставить читателя задуматься о смысле жизни. Именно поэтому композиционно последнюю строфу автор выстраивает, следуя традиции канонических псалмов, исполняемых во время обряда погребения усопшего, где финальные строки провозглашают силу веры в бессмертие души.

Таким образом, проделанный анализ выявил присутствие в тексте Г.Р. Державина «чужого» слова, которое позволило автору обновить литературную традицию изображения темы «жизни – смерти», зыбкости границ между ними. Реминисценция в рассматриваемом произведении предстает носителем культурной памяти, служит проявлением общей установки автора на цитацию и сохранение литературных традиций. Смеем высказать суждение, что как для самого Г.Р. Державина, так и для его читателя слово оды рождало вполне реальные литературные ассоциации, оно было живым и узнаваемым.

Рассмотрение в предложенном ключе оды Державина, с которой начинается «новый путь» поэта, позволяет видеть в ней предтечу действительно иной поэзии, для которой свойственно ощущение единения человека с Богом,

поэта – с Творцом. В этом случае мы вновь видим, как традиция церковных церемониальных текстов уже в новой исторической ситуации выполняла изначально характерную для чинов функцию – показать пути достижения человеком гармонии с миром, обретения сопричастности с вечным.

Литература

1. Шунков А.В. «Урядник сокольничья пути» как памятник русской художественной культуры середины XVII века. Кемерово: Арф, 2007.
2. Первые пьесы русского театра. М.: Наука, 1972.
3. Лихачев Д.С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы: сб. ст. в честь 75-летия М.М. Бахтина. Саранск, 1973.
4. Панченко А.М. Литература "переходного" века // История русской литературы Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980.
5. Ромодановская Е.К. «Служба кабаку» перед церковным судом XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература эпохи феодализма. Новосибирск, 1990.
6. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.
7. Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
8. Чин погребения мирских человек. № 233 Требник неполный, полууст. четкий XVI века, в четверть, 318 листов Л. 129–148 // <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=233&pagefile=233-0135> (дата посещения: 15.09.13).
9. Орлов П.А. История русской литературы XVIII века. М., 1991.
10. Баяевский В.С. История русской поэзии 1730–1980. М., 1996.
11. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высш. шк., 2000.
12. Шунков А.В. «Страшный Суд» как сюжетобразующий мотив литературы и культуры Древней Руси // Сиб. филол. журн. 2013. № 2.
13. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984.
14. Истомин Карийон. Стихи увещательны от греховного лыщения // Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973.
15. «Казание о человеческой жизни двоестрочно, велми душеполезно» // Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былиннина, А.А. Илюшина. М., 1989.
16. Повесть и сказание о прении живота со смертию и о храбрости его и о смерти его (памятник переводной литературы XV–XVI вв.) // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / подгот. текста «Повести...» и примеч. Р.П. Дмитриевой. М., 1969. С. 464–466, 757–758. (Библиотека всемирной литературы).
17. Шунков А.В. Жанр послания в русской литературе XVII века (на примере эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). Кемерово: КемГУКИ, 2006.

"BURIAL CEREMONY OF MUNDANE PEOPLE" (XVI CENTURY) AND ITS TRADITION IN THE POETRY OF G.R. DERZHAVIN.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 151–159.

Shunkov Alexandr V., Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Keywords: *ceremonial genres of ancient Russia, intertextuality, literary tradition, spiritual ode.*

Ritual and ceremonial texts ("ceremonials") of Ancient Russia is a special genre form, which had a definite practical purpose: to provide a detailed description of designing process in the practice of ceremonial for ideal universe, to replace the one world (imperfect) others given to harmony. It is a specific layer in the ancient book-learning, which were sealed presentation about the world and man's place in it.

It can be said that the "ceremonials" created the picture of a harmonious world, the foundation of which was the principle of the hierarchy. This world created by the "ceremonials", was thought as existing forever, and people had to enter at this time, to subdue the eternal today. In connection with this, another problem that has been solved by the "ceremonials" was designing everyday life in the solemn eternal forms. The "ceremonial" was to give people an opportunity to feel a sense of ownership with the eternal time, sanctified by God.

The article deals with the interaction of the documentary and literary traditions in the national literature. On the example of intertextual interaction of ode by G.R. Derzhavin "On the Death of Prince Meshcherskij" and church ritual text "Burial ceremony of mundane people" (XVI c.), the process of creative processing ritual text in the era of modern times was shown. The complex of artistic motifs was named, sounding in G.R. Derzhavin's ode brought in from the ritual text of the XVI century. The idea of the ode motivic complex formed through borrowing from liturgical sources of the main motifs: sleep (lulling to sleep), the transience of time was provided.

Considering G.R. Derzhavin's ode with which he began a "new way" of the poet, in the proposed manner allows seeing really anticipated poetry. The poetry, which will tend to feel person unity with God, the poet with the Creator. In this case, we again see how the tradition of church ceremonial texts in a new historical situation performed initial function of the "ceremonials" - to show the ways for achieving harmony with the human world by the person, gaining ownership of the eternal.

References

1. Shunkov A.V. "Uryadnik sokol'nich'ya puti" kak pamyatnik russkoy khudozhestvennoy kul'tury serebryykh veka [The sergeant of Falconer Road as a monument of Russian artistic culture in the middle of the 17th century]. Kemerovo, Izd-vo Arf Publ., 2007. 66 p.
2. Pervye p'esy russkogo teatra [First plays of the Russian theatre]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 511 p.
3. Likhachev D.S. Drevnerusskiy smekh [Laughter in Old Rus]. In: *Problemy poetiki i istorii literatury* [Problems of poetics and history of literature]. Saransk, Mordovskiy universitet Publ., 1973, pp. 73 – 90.
4. Panchenko A.M. Literatura "perekhodnogo" veka [Literature of the "transitional" century]. In: *Istoriya russkoy literatury. T. 1. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka* [History of Russian Literature. Vol. 1. Old Russian literature. Literature of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 291 – 407.
5. Romodanovskaya E.K. "Sluzhba kabaku" pered tserkovnym sudom XVIII v. [The Tavern Service before the church court]. In: *Obshchestvennoye soznanie, knizhnost', literatura epokhi feodalizma* [Public consciousness, book learning, literature of feudalism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 189 – 194.
6. Romodanovskaya E.K. Russkaya literatura na poroge novogo vremeni [Russian literature at the turn of time]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 232 p.
7. Lutsevich L.F. Psaltyr' v russkoy poezii [The Psalms in Russian poetry]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 608 p.
8. Chin pogrebeniya mirskikh chelovek. № 233 [The Funeral Service of the secular. No. 233]. In: *Trebnik* [The Breviary], pp. 129–148. Available at: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=233&pagefile=233-0135> [accessed September 15, 2013].
9. Orlov P.A. Istoriya russkoy literatury XVIII veka [History of Russian literature of the 18th century]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 320 p.
10. Baevsky V.S. Istoriya russkoy poezii 1730–1980 [History of Russian poetry]. Moscow, Novaya shkola Publ., 1996. 320 p.
11. Lebedeva O.B. Istoriya russkoy literatury XVIII veka [History of Russian literature of the 18th century]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. 415 p.
12. Shunkov A.V. Strashnyy sud kak syuzhetoobrazuyushchiy motiv literatury I kul'tury Drevney Rusi [Last Judgement as a plot motive of literature and culture in Old Rus]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2013, no. 2, pp. 77–84.
13. Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smekh v drevney Rusi [The world of laughter in Old Rus]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 295 p.
14. Karion Istomin. Stikhi uveshchatel'ny ot grekhovnogo l'shcheniya [Poetry admonishing sinful thinkers]. In: Panchenko A.M. *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [The Russian poetic culture of the 17th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1973.
15. Kazanie o chelovecheskoy zhizni dvoestrochno, velmi dushepolezno [A very useful tale of human life]. In: *Virshevaya poeziya (pervaya polovina XVIII veka)* [The verse poetry (the first half of the 17th century)]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989.
16. Povest' i skazanie o preni zhivota so smertiyu i o khrabrosti ego i o smerti ego [A tale and legend of the dispute of life and death, of its courage and death]. In: *Izbornik* [Anthology]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1969, pp. 464 – 466, 757 – 758.
17. Shunkov A.V. Zhanr poslaniya v russkoy literature XVII veka (na primere epistolyarnogo naslediya tsarya Aleksey Mikhaylovicha) [The genre of message in Russian literature of the 17th century (by example of the epistolary heritage of Tsar Alexei Mikhailovich)]. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2006.